Эймонд скучал по Вхагар, как по конечности.

Он искал ее: он называл каждую тень облака ее именем; выискивала узоры своей чешуи на холмистых зеленых холмах; пели на ветер на Высоком Валирийском, в надежде вызвать ее. В темноте Эйемонд размышлял над ее потерей.

Ядро, которое выросло и выросло в клетке его ребер — второе сердце, которое билось в тандеме с сердцем Вагара и отмечало его как ее партнера; золотая нить, которая задержалась на задворках его сознания, линия от него к ней. Их связь расцвела в глубочайших тайниках его крови — она всегда была там, всегда должна была быть между ними двумя. Эйемонд лелеял и взращивал их связь: дракон и ее всадник, зеркала друг друга, две половинки одного и того же древнего волшебства. Огонь и неизгладимая ярость, которые они разделяли, отразились от покоев их сердец и усилились в аду огненного резонанса. Жестокая, неугасимая верность, которая жила в них, только крепла с каждым выбором, который они делали вместе.

Вхагар была его спасением — она спасла его, когда он еще не знал, что тонет. Она была постоянным спутником каждой мысли Эймонда в течение почти десяти лет, и он ухватился за общение, которое она давала, изголодавшись по привязанности и комфорту. Свет ее пламени рассеял тьму в тайниках его разума; их тепло согрело его изнутри. Когда они улетали, Эйемонд был самым свободным — только они и бескрайние просторы голубого неба. Это облегчило его беспокойство и укротило ее гнев; успокоил лесной пожар в их душе.

Вхагар выбрал его, единственного, кто когда-либо делал это по собственной воле. Она забрала его себе; они были неумолимы — обречены жить и умереть из-за своей верности друг другу.

Потеря ее была непреодолимой, она расколола его надвое.

Должно быть, она мертва, заключил он мрачно и несчастно. Она никогда не оставит его по своей воле.

Эймонд Таргариен больше не был наездником на драконе.

Он едва мог вспомнить, кем он был без Вхагара. Мальчишка, которым он был до того, как заявил, что она мертва — он умер той ночью в Дрифтмарке, когда его племянник оторвал ему глаз, и его лорд-отец показал правду своего сердца, когда выбрал Рейниру и ее ублюдков. Когда в зале, полном рыцарей и дворян, только его мать сражалась за него — защищала его, требовала справедливости от его имени. Это заклеймило его. Уверенность и сила ее решимости, ее яростная, исключительная любовь к нему. Как она давила, расстроенная и обиженная всеми, чтобы отомстить за его потерю.

Эймонд любил ее за это и всегда будет любить за это — он сделал все и вся, чтобы быть достойным этой преданности. Все, чем он был — послушным, дисциплинированным, решительным и разрушительным, — было направлено на то, чтобы защитить свою семью, чего бы это ни стоило.

Даже раненый, одинокий и без дракона — он вернется к ним. Он должен был.

— Ты делаешь это неправильно, — фыркнула Джейн, шепелявя. «Вот, позвольте мне показать вам: это похоже на змею, видите? Налево и направо, внутрь и наружу».

— Как умно, малыш, просить слепого прозреть, — невесело сказал Эймонд.

— О, — сказала девушка, ее волнение угасло.

Он не был слепым, по-настоящему. Деревянный рубильник был прав, и к нему возвращалось зрение — понемногу, с каждым днем он все больше видел мир. Теперь он мог достаточно легко различать свет, но объекты в его поле зрения оставались размытыми и несфокусированными. Больше предложений форм, а не истинных силуэтов.

Он вспомнил тот первый рассвет прошлой ночи, когда проснулся в одиночестве и ничего не увидел. Ведьма исчезла, исчезла; как и прежнее самообладание Эймонда перед лицом дальнейшего увечья. Холодный ужас пронесся по нему, как прилив воды, страх галопом струился по его венам. Он злобно бил себя по голове, ударяя по вискам, тер и царапая себе глаз — снова, и снова, и снова, изо всех сил желая, чтобы он работал как надо.

Это был глубокий, сжимающий сердце страх: слепота. Быть образованным ученым ничего не значило, если он больше не умел читать; талант в фехтовании был бесполезен, если он не мог видеть своих противников. Верховая езда на самом большом драконе в мире не имела значения, если он не мог управлять ею.

Одноглазый принц слепому нищему.

Ибо он был нищим. Пребывание на изолированной ферме в Речных землях, без причала и анонимности. Эйгон злорадно хохотнул бы, увидев Эймонда сейчас: принца королевства поселили на скотном дворе со скотом и заставили работать на крестьян.

С закрытыми глазами он работал: ловкие пальцы вплетали ореховые прутья внутрь и наружу из вертикальных стоек, вонзенных шипами в основание, растянутое на земляном полу. Слепому человеку было мало работы на ферме, но, чтобы заработать на содержание и еду, Эймонд строил барьеры из орешника — легкие , отдельно стоящие заборы — с самой младшей в семье, Джейн, девочкой восьми лет.

Старший ребенок, немой мальчик по имени Джонос, как обычно, отправился на рыбалку; как он сделал, когда вместо форели он выловил Эймонда из Ока Бога и потащил его — без сознания и в полной броне — к лесному стрелку, который раз в два месяца проходил через земли Харренхолла.

Эйемонд был обязан ему жизнью, а Эйемонд Одноглазый унес свои долги и обиды в могилу и обратно.

«— это важно, ибо все люди должны умереть, а я отведал жену дорнийца! ”

«Неужели ты нарушаешь мой покой своим адским визгом?» — спросил Эймонд. Он ненавидел «Жену дорнийца» — это была любимая песня Эйгона, и он настоял, чтобы бард играл ее на каждом пиру, часто выкрикивая непристойные тексты. Сам Эймонд предпочитал более нежные и скорбные песни, такие как No Featherbed For Me , On Misty Mourn и The Winter Maid . — Медведь, должно быть, наступил тебе на ухо, девочка, потому что из тебя вышла плохая певица и, — он провел рукой вдоль плетня, — еще более плохая ткачиха. Ты должен подтянуть свой конец забора, он расшатан и некачественный».

Джейн раздраженно фыркнула, но Эймонд слышал, как она принялась за работу.

— Твоя мать знает, что ты поешь похабные песни незнакомым мужчинам? спросил он, с любопытством, несмотря на себя. Он очень сомневался, что такая серьезная женщина, как Пиппа, которая шлепнула своего мужа деревянной ложкой за «нецензурную брань за обеденным столом», будет терпима к поведению своей дочери.

— Ты не странный человек.

«Я мужчина, и я действительно очень странный».

— Ничего странного, по - моему , ты очень хорошенькая, — чопорно ответила девушка.

Эймонд закатил глаза, задаваясь вопросом, была ли у ребенка мягкая голова. Он много раз был свидетелем того, как его шрамы на лице до безумия пугали придворных дам. Его дедушка назвал их неприличными и побудил Эймонда всегда носить кожаное покрытие. «Твой вкус в мужчинах доставит тебе неприятности, когда ты станешь старше».

Джейн дернула за рукав простой льняной рубашки, которую одолжил ему ее отец Хамфри. "Как так?"

Эймонд обдумал вопрос. Он знал, как на это ответит Эйгон, поэтому сказал прямо противоположное: «Такой человек, как я, мало чего стоит и полезен только своими навыками, а у меня нет навыков для земледелия. Лучше найди пастуха, как твой отец, или кузнеца — они никогда не останутся без работы.

«Это звучит неправильно. Не о сельском хозяйстве — ты в этом гнилой. Эймонд вкратце вспомнил о своих безуспешных попытках доить корову и козу, сажать семена и ухаживать за садом — и согласился с неблагоприятной оценкой Джейн, хотя и неохотно. — Но привязав свою ценность к своей полезности. Это слишком... Мухсер...

— Наемник, — подсказал Эймонд.

«Да, это. Люди не должны быть только средством для достижения цели, по крайней мере, так говорит мама.

— Твоя мать звучит мудро. Даже если она была совершенно неправа. Ценность Эймонда измерялась только его заслугами — его достижения и способности каталогизировались и взвешивались, их ценность определялась их полезностью и прибыльностью. Его доблесть на спине дракона, его эрудиция, его опасное владение мечом, его способности к военным делам, компетентность, с которой он выполнял свои обязанности, и многое другое — все это было инструментами на службе короны Эйгона. Все в Aemond было отточено и отточено с явной целью принести пользу делу семьи.

— Кроме того, — фыркнула Джейн, — я не хочу выходить замуж.

Эймонд уклончиво потянулся.

— И я не хочу всю жизнь прожить на ферме. Я хочу приключений; Будь таким же смелым, как Ланн Умный, и благородным, как Эймон Рыцарь-Дракон». Пальцы Эймонда дернулись. Беспокойство, которое неуклонно накапливалось в его желудке с тех пор, как он проснулся, нахлынуло с новым страхом. «Я буду сражаться с пиратами и...»

«Кто такой Эймон Рыцарь-Дракон?» Эймонд прохрипел.

□□□

Свист , свист , свист .

Круг за кругом Кинжал Эймонда танцевал и ловко вращался в его пальцах. Подбросило вверх,

поймало кончиком лезвия, перевернуло и снова закрутило. Джейн ушла, ее мать позвала ее помочь с ужином, а Эймонд был предоставлен самому себе.

Свист , свист , свист , свист .

Девушка оказалась крайне необразованной. Простой народ часто был лишен начального школьного образования — большинство из них были неграмотны, потому что вели скромную, простую жизнь, но были пределы того, насколько плохо информированным может быть крестьянин. Эйемон Драконий Рыцарь, по словам Джейн, был самым благородным, самым верным из рыцарей, влюбленным в королеву Нейрис, которая, по словам самой Джейн, была самой благочестивой и самой нежной из королев. Она не предоставила никаких дальнейших разъяснений, независимо от того, сколько Эймонд пытался выяснить. Это раздражало его, но она знала только песни и сказки; ни фактов, ни дат, ни четких деталей.

Он сделал мысленную пометку вынести на Малый совет стандартизацию образования для простых людей. Им не нужно, чтобы все они были учеными или даже грамотными, но со стороны благородного лорда, ответственного за регион, было большой ошибкой то, что его простолюдины даже не знали имен королевской семьи и вместо этого поклонялись какому-то народному герою. сомнительное происхождение.

И все же он чувствовал себя неловко.

Эймонд полагался на рациональность и разум, а не на чувства, но он был Таргариеном — они были интуитивной и подозрительной породой. Что-то происходило; схема, план, уловка — и Эймонда раздражало то, что он не мог его разгадать.

Чтобы разгадать странный заговор , подумал он, кинжал, вращающийся между его пальцами, становился все быстрее и быстрее. Посмотрите, что происходит, и спросите, кому это выгодно .

Где был Демон?

Если верить дровосеку, он был мертв, убит клинком Эймонда. Однако сам Эймонд получил смертельный удар, и вот он — возродился, то ли по волшебству, то ли по воле случая. Его дядя был злобным существом, цепляющимся за жизнь, как таракан; он был авантюристом, преисполненным амбиций и жаждущим пососать грудь власти, — однако он не был лишен низкой хитрости и преуспел в тактике быстрого поворота. Демон рассредоточил свои силы, опустошая земли, как вор в ночи, в случайных местах, сея хаос и беспорядок.

Эймонд подходил к войне методично, с той же целеустремленностью и цепкой настойчивостью, с которой он справлялся во всем — сжигая и уничтожая цитадель за цитаделью, оставляя за собой только смерть и разрушение. Он срывал с лица земли Речные земли на спине дракона, устраивая для падальщиков только «пиршества трупов» — Деймон не смог бы ускользнуть от него, если бы Эйемонд не оставил ему места, где можно было бы спрятаться.

Их погоня за кошками и мышами завершилась битвой над Оком Бога.

Вспыхнули события битвы; мысленным взором Эйемонд исследовал свои воспоминания, проверяя каждую деталь, тщательно размышляя над ними. Он не знал, как долго впадал в приступ самоанализа; его уход в себя не был чем-то необычным — даже его семья не вызывала беспокойства, когда дело доходило до его размышлений.

Когда Эймонд, наконец, поднял голову, было уже темно.

Он вздохнул и сунул тонкий короткий кинжал обратно в ботинок. Бесполезно останавливаться на гипотезах: если бы Деймон был жив, Эйемонд преследовал бы его до края земли и не успокоился бы, пока не выжал бы жизнь из своего дяди своими собственными руками.

Джейхейрис , Мейлор , Хелена , он читал мантру. Око за око, сын за сына, принц за принца — Эйемонд Одноглазый кроваво расплатился со своими долгами.

Рейнира громко хмыкнула и пукнула.

Кровавый зверь.

Прошлую сеннюю ночь Эйемонд провел на скотном дворе, на стоге сена, в окружении домашнего скота. От скуки он назвал их всех своими личными злобными именами. Беременная старая корова с тяжелыми молочными сиськами была Рейнирой; трех свиней в свинарнике, которых он назвал Эйгон, Джакайрис и Люсерис; старый сварливый козел был Отто; а петух с выщипанной половиной перьев был Деймоном. Овцами на пастбище были Корлис, Рейнис, Бейла и Рейна; молодым котом, который жил на участке, был Даэрон; и различных цыплят в курятнике, которого Эймонд назвал в честь членов Малого Совета и двора Эйгона. Ни одно существо не было названо в честь его матери или милой сестры.

Крик пронзил тишину тьмы — короткий и сдавленный.

Мгновенно его мышцы напряглись, готовясь к бою. Инстинкт, глубоко укоренившийся в его мозгу, самосохранение во всей красе, отточенный до лезвия бритвы. Основание, на котором он взращивал себя — ничто в этом мире никогда не проявит к нему милосердия, и Эйемонд не предложит его взамен.

Эймонд выпрямился из своего присевшего положения, вытянув свои длинные конечности во всю длину, рука упала на рукоятку Темной Сестры, висевшую на его бедре, пальцы обхватили ее хваткой, глубоко укоренившейся в его мышечной памяти. Вместе с ним нашли длинный меч из валирийской стали, зажатый в руке в перчатке — теперь, как он полагал, он принадлежал ему. Подарок от Деймона, мрачно подумал он, точно так же, как кинжал в сапоге из подарка Люцериса, которая использовала короткий клинок, чтобы выбить глаз Эймонда.

Короткими, решительными шагами он направился к главному дому, маршрут был еще свеж в его памяти. Спрятавшись в тени за окном, он напряг свой слух, свое самое острое чутье и внимательно прислушался.

— …пожалуйста, пожалуйста, он всего лишь мальчик, — взмолился Хамфри. Слова его были невнятны и невнятны — кто-то сломал ему зубы. Из глубины дома Эймонд слышал приглушенные рыдания Пиппы.

«Мальчик, который украл у нас», — усмехнулся мужчина.

— Да, — повторил другой, хрипло смеясь. «Украли у нас. Видите ли, мы люди короля. Хорошие люди короля, все для Томмена.

— Мерси, пожалуйста, — закричал Хамфри, — он не знал. Пощадите, сир, умоляю вас.

— Вы предатели и нарушители закона, так что, слава богам, вы имеете дело с нами, благородными солдатами короля. Это больше, чем можно получить от преступников. Первый человек снова заговорил. Противников всего два: высокий мужчина у двери и тот, что с ласковым голосом в центре комнаты. Он не слышал звука лошадей — значит, это были

пехотинцы. «Отдайте нам свое золото — скромная благодарность за наши услуги, и мы пощадим ваши жизни».

— А мой сын?

— Он вор, а вы знаете, что положено делать с ворами по королевскому закону. Мы возьмем руку, которая осмелилась пожелать того, что ему не принадлежало».

Эйемонд опустился на колени и стал ковырять землю свободной рукой, пока не нашел солидный камень. Поднявшись, он согнул пальцы на рукояти Темной Сестры, поправляя хватку. Когда его единственный глаз был закрыт, было легко сфокусироваться на весе оружия в его руке. В доме был только один источник света, и в темноте вечера враги, вероятно, были так же слепы, как и он.

"Нет!" — закричала Джейн высоко и яростно. «Он ничего не украл! Джон нашел шлем на берегу озера!

Раздался шлепок, затем удар.

— Вероятная история, как всегда, — фыркнул первый мужчина, вероятно, лидер из них двоих. «Позолоченный шлем в руках крестьянина. Нет, это шлем Ланнистеров, если я когда-либо его видел. Я хороший человек из Ланнистеров, я верну его законному владельцу».

Эйемонд скользнул в дом, словно нож между ребрами, мягкий и гладкий. Он бросил камень в масляную лампу, свисавшую с деревянного потолка, разбил ее и погрузил хижину во тьму.

— Ой!

Тихая, как тень, быстрая, как змея.

Темная Сестра пронзила человека у двери, как весло воду, без особых усилий разрезав его надвое. Он был мертв до того, как его половинки упали на пол.

Эймонд неуклонно продвигался к своему следующему противнику, его меч уже двигался по дуге, направленной вверх, чтобы вскрыть его от паха до подбородка, но был встречен лязгом стали. Эймонд ухмыльнулся и толкнул свой меч все выше и выше, используя свой превосходящий рост и силу, чтобы оттеснить другого человека назад. Ему не нужно было видеть, чтобы понять, что мужчина напуган — от него воняло; страх прилипал к нему, как запах отходов прилипал к Королевской Гавани.

Позади него он почувствовал, что что-то шевельнулось.

С рычанием Эйемонд пнул своего противника ногой в живот и одним плавным движением отрубил ему голову. Он развернулся на пятках, повернулся, подняв меч…

Только чтобы найти Джонаса, стоящего, трясущегося, с вилами в дрожащих руках.

Эйемонд фыркнул, опуская Темную Сестру. — Что ты собирался сделать, мальчик, проткнуть его, как жаркое?

Джонос не двигался.

Эймонд не мог видеть его в темноте, не мог разобрать выражение его лица в его слепоте. Он с любопытством наклонил голову, его длинные волосы касались костяшек его руки с мечом; и

ждал.

— Ты убил их. Хамфри в ужасе задохнулся. Пиппа зарыдала еще сильнее, то ли от облегчения, то ли в истерике. «Они были королями».

Эймонд с отвращением хмыкнул. Эти бездельники, не заслуживающие даже воздуха, не были людьми Эймонда — и Эйгона тоже. «Они едва ли были солдатами. Мародеры и дезертиры, больше ничего».

— А если бы их не было? Хамфри защищался. «Если кто-то знает, что они пошли сюда… навести справки об их местонахождении… и вы убили их. Убил их в нашем доме.

— Они придут за нами, — причитала Пиппа. Губы Эймонда скривились, он задумался, почему он вообще считал ее разумной женщиной. «Они убьют нас».

— Нет, — протянул Эймонд, как будто объяснял очень маленькому ребенку. — Эти двое, — он пнул ближайший к нему труп, — пытались тебя убить. Я спас тебя ».

Он прошел вперед, схватил вилы за зубец и вырвал их из рук Джонаса. Он не ожидал, что простодушные крестьяне упадут на колени и рассыплются в лучах вечной благодарности, но отсутствие хотя бы крупицы благодарности начинало его раздражать. Они жаждали смерти?

«Если ты так боишься, что кто-нибудь найдет тела, — раздень их, сожги одежду, брось доспехи в озеро и скорми трупы свиньям». Он задумчиво хмыкнул. «Возьми монету. Не нужно тратить ресурсы».

— Мы не воры, — впервые тихо произнесла Джейн, ее щека покраснела и распухла от нанесенного ей удара. Отстраненно Эйемонд задавался вопросом, утолила ли девушка свою жажду приключений, дорожит ли она своей тихой, простой жизнью больше.

Эймонд закатил глаза, но не стал комментировать дальше. Честно говоря, ему было все равно. Эти люди не были его защитой. Вместо этого он жестом указал Джоносу: «Принеси мне мою броню и поторопитесь. Положите его в мешок вместе с провизией. Затем он добавил, ухмыляясь: «Золотой шлем тоже. Разве не так вас отметили эти головорезы? Ты размахивал этой штукой.

— Ты не можешь больше оставаться здесь, — прохрипел Хамфри, вставая на ноги, прежде чем помочь встать жене.

— Я и не планировал. Эйемонд наклонился и расстегнул ножны с ремня мертвеца. Это было слишком долго для Темной Сестры, но сойдет. Он вложил в ножны длинный меч из валирийской стали и сцепил руки за спиной.

Песня жажды крови очистила его разум, успокоила его дух; краткая вспышка насилия была волнующей. Впервые с тех пор, как проснулся, он почувствовал себя самим собой.

В темноте он улыбнулся самоуверенно и жестоко. «Твой сын спас мне жизнь. Я спас твое сына. Долг погашен».

http://tl.rulate.ru/book/82378/2573137